

An impressionistic landscape painting featuring a valley with rolling green hills. The sky is filled with soft, textured clouds in shades of blue and white. The foreground shows dense green foliage, possibly a vineyard. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a rich, vibrant color palette.

Самурай

16+

Дмитрий Ефремов

Дмитрий Глебович Ефремов

Самурай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42804461

SelfPub; 2019

Аннотация

Люди не выбирают судьбу, но следуют дорогой, по которой она их ведёт. Эти дороги уходят как в прошлое, так и в будущее, и в одном случае подгоняет чувство долга и память, в другом любовь к жизни и природный характер. Когда эти дороги пересекаются, возникает понимание того, что нет наций и народов, как нет границ, и нет времени, а есть земля, и бесконечная дорога, по которой надо пройти во чтобы то ни стало до конца. Эта история о двух немолодых, но сильных людях, японце и русском, так не похожих друг на друга, и ни на кого вокруг, но оставивших друг в друге частичку своей души.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Самурай.

Не было в Столбовом человека, будь то взрослый или дитё малое, да хоть и собака, не знавших, кто такой Толя Козырев. Что любил Толька крепко выпить, а иногда нахамить, если того требовал случай, и подраться. Не упускал возможности пощупать деревенских баб – совести у Тольки на этот счёт не было. А бывало и так, что, не задумываясь, отдавал последнее, как мог с чистой совестью и отнять. Как и все столбовские, любил побалагурить и разыграть какого-нибудь простачка. Одного в нем не было: Толька никогда не пресмыкался перед начальством, за что в очередной раз и пострадал.

Случилось так что работал Толька лесоустроителем в лесхозе. Работа не из лёгких. Весь день на жаре да на комарах. Дело нехитрое: маши секирой, расчищай молодые посадки кедра.

Натура у Тольки открытая – что на уме, то и на языке. На работе он всё равно что заноза. Оттого и придиралось к нему начальство. Без умысла, конечно.

Однажды попросили его показать свою работу. Ну и ответил Толька, как полагается, грубо. Даже из кузова машины не вылез, умотался за день.

– Вам надо, идите и проверяйте, – пробасил Толька, нагло отвернув красную от работы физиономию, – я целый день комаров кормил да ноги бил, а вы свои зады протирали в

кабине.

Последняя фраза особенно задела Валюшу – нашла-таки к чему придраться на Толькином участке. Слово за слово, ну и понесло Тольку.

Турнули Козырева по всем статьям из лесхоза. А узнал он об этом уже после выходных, когда бригада собиралась в условленном месте, ожидая «Зила». Там и обрадовали его свеженькой новостью.

Обласкав, как полагается в таких случаях, всех и вся, схватил он свой рюкзак со спальником и большими шагами пошёл домой, по пути наградив пинком чью-то собаку.

Лет ему было около пятидесяти. Седая голова не мешала Тольке вести бесшабашный образ жизни. Да и природа не обделила его ни умом, ни здоровьем. Зимой не знал Толька ни рукавиц, ни шарфов тем более. Ходил по деревне вечно распахнутый, в расстёгнутой до пупа рубахе. Борол любого, кто попадался под руку, и мог вломиться в какой угодно дом незваным гостем. За пышущую здоровьем круглую морду прозвали Тольку «Тыквой».

Таким же весёлым был и отец его, Игнатий Иванович, любивший погонять на своём «Запорожце» наперегонки со своим старшим братом Павлом Ивановичем, предпочитавшим в любое время года мотоцикл. На причуды стариков Толька внимания не обращал и в дела их не лез.

В тот день он, как обычно, сидел дома, ковырялся в старенькой гармошке, латая её боевые раны, и краем глаза смот-

рел, что делается за окном. Он и ухом не повёл, когда у калитки остановился «Уазик», поскольку знал все машины в районе наперечёт. Поэтому, когда в дверь постучали, он даже не встал с табуретки.

– Принимай гостей, Анатолий Игнатич. Чего сидишь? – голос гостя был мягким и доверительным.

– А я тебя в гости не звал, – пробурчал Толька, не отрываясь от своего важного дела. Маленькие хромированные гвоздики то и дело выскальзывали из толстенных пальцев и никак не хотели лезть в свои места. Толька их ругал почём зря, сопел, но не сдавался. Было видно, что дело это он знал хорошо и любил. Вколотив последний гвоздь в деревянный кожух хромки, он наконец-то оторвался от работы и вопрошающе посмотрел на гостя. Сергей Мандрусов, так звали районного охотоведа, растерялся, не зная, куда деть свои жилистые руки, и только покачал головой. – Ты бы зад-то от табуретки оторвал, гармонист. Выйдем, что ли. Разговор к тебе имеется.

Говорил Сергей таким же манером, как и все столбовские, громко и как будто вопрошая. Вместе с этим, речь его была лишена заискивания и каких бы то ни было условностей и всегда располагала к общению. Родом Сергей был из Забайкалья, а значит, имел такие же гуранские корни, как и Толька.

Иногда путая обычные слова с матерными, а зачастую обходясь одним лишь матом, столбовчане могли огоршить

любого, кто был незнаком с этой традицией, и никогда не лезли в карман за крепкими выражениями. От этого речь их окрашивалась в самые разные оттенки и всегда резала уши чужакам.

– Не хочу с вами никаких разговоров иметь, – хамовито заявил Толька, устраивая на коленках своё детище, – у меня своя работа стоит. Не о чём говорить мне с вами, сопли по столу развозить. Сначала верните мне моё ружо. Тада и поговорим.

Пробежавшись пальцами по голосам, он сразу же изменился в лице, и начал наигрывать плясовые наигрыши, при этом стараясь высмотреть в окне «народ», толпившийся у калитки.

– А я-то причём. Дробовик твой не я отбирал, – развёл руками Сергей, – ваш участковый забирал. Да и незаконный он у тебя, уже в полный голос заговорил Мандрусов, стараясь перекрычать Толькину гармонь. – Да прекрати ты своё пиликанье! Себя не слышу из-за твоей матани.

– Это как же незаконный, – взорвался Толька, грубо отбросив инструмент. – Я чшо, украл его?! Это моё ружьё. Дедовское. Я с им и в лес-то не ходил. Уж и в воздух пальнуть нельзя, в праздник!

– Ну рассказывай! А кто собаку соседскую пристрелил?

– Собака не сосед, в суд не подаст. Не убил же! – развёл руками Толька и глупо заулыбался. – Ранил. Ну и чшо! Пусть не шастат по чужим огородам. Я что, не имею права на свою

землю?

– Ну ладно, ладно. Поговорим. Вернут тебе дробовик. Если вступишь в общество и поставишь его на учёт, то получишь обратно.

– Чо же? – скривил губы Толька. – Выходит, по-другому нельзя? А вдруг воры! Коромыслом чтоль отбиваться? – Напирая своей огромной массой, Толька буквально вытолкнул Мандрусова за порог, где столкнулся с местным участковым. – За каким хреном вас тут понапрело? – вскипел Толька, как самовар. – Как мух на...

– Ты это... Ты слова-то выбирай! – опередил его участковый. – За языком-то следи.

– На мёд, – ляпнул Толька и нагло ухмыльнулся.

– Знаешь что, Козырев? Ты не забывайся. На тебя, между прочим, жалобы имеются. Опять же, заявление от соседа. Собаку-то ты его убил. Сосед сказал, что ты его обидел шибко, – завёлся вдруг участковый.

Смекнув, что дело принимает серьёзный оборот, Толька обиженно, по-детски надул губы.

– А где ж вы раньше-то были. Это же когда было-то...

Тут Толька увидел у калитки ещё двоих. Они стояли возле машины, и, судя по их одежде, было понятно, что дело не в дохлой собаке и ему может выгореть. Но в чём, он никак не мог понять.

– Мы к тебе по делу, Козырев, – уже без нажима снова начал Мандрусов. – Нам человек толковый нужен. Провод-

ником поработай с недельку. Всё равно бездельничаешь.

– Унюхали, – съехидничал Толька. – В тайгу, что ли? Чшо я в ей забыл. Нашли вьючную корову. Не по адресу пришли. Козыревы рикшами никогда не были. Нашли дурака. Это же насекомых кормить. А сопровождать-то кого? – на всякий случай спросил он.

– Японца.

– Чаво? – От услышанного нижняя губа у Тольки отвисла до самого подбородка. – А какого лешего он забыл в нашей тайге? Ему что, Японии мало? – Толька завертел головой, думая, что его разыгрывают. – Сто лет не видели. И вдруг на тебе. Иностранцы.

– Прибери язык, Козырев. Человек к нам из другого государства приехал. Гость, можно сказать. Дело-то серьёзное. – Участковый подошёл ближе, чтобы наблюдавшие за картиной не видели распоясавшегося Тольку.

– Ну а чего я такого сказал? – обиделся Толька.

– Жизнь меняется. Они к нам, мы к ним. Газеты надо читать.

– А-а-а, – протянул значительно Толька.

– Ну так что? Пойдёшь?

– Не. Не, – опомнился Толька, – ноги задарма бить. У меня последние сапоги. Я чшо, прислуга кака. Вам надо, вы и ведите. У меня огород, хозяйство, – он махнул рукой в сторону заросшего сада.

– Колхоз пашет, а он руками машет. Не смейся, Толя. Те-

бя в огороде сорок лет не видели. А всё твоё хозяйство – в штанах.

– Вам-то что до этого.

– Ну, как знаешь, – участковый махнул рукой и переглянулся с Мандрусовым, – в деревне не ты один такой золотой. Пошли, Серёжа. Горбатого могила исправит.

– И к кому же вы пойдёте?

– Не твоего ума дело.

– Как это не моего! Мне же интересно, откуда вас пошлут.

– Да хоть к Сухареву.

На что Толька громко рассмеялся.

– Ага, Вася старше колхозной телеги. Он с печки не слезит второй год. А без коня он и шагу по земле не ступит. – Разведя свои огромные руки, Толька нагло зевнул, да так, что хруст его костей услышали те, кто стоял в стороне. – А я знаю, чего вам надо. Вам пещеры нужны. Все как дурнины обожрались с этими пещерами. Никто из наших вас туда не поведёт. Дураков-то нет.

Гости в нерешительности толклись у машины, раздумывая, чем купить упрямого Тольку.

– Послушай, Козырев! – Сергей подошёл к Тольке вплотную и посмотрел ему в глаза. – Будь ты человеком, ну хоть раз в жизни. К тебе приехали неизвестно откуда. Зачем ты нас подводишь, позоришь на людях? С работы тебя не я выгонял. А с ружьём ты сам виноват. Если бы ты рядом с клу-

бом пальбу не открыл, никто не стал бы твою пукалку отбирать. – Мандрусов бросил окурок и посмотрел на участкового. – Поговорю я. Может не увезли ещё в город. Ничего не обещаю. За других, конечно, не ручаюсь, но что смогу, сделаю. Но впредь дай слово не устраивать больше подобных салютов.

– Зарекалась сорока не трещать на лету. Не люблю я обещать, – буркнул недовольно Толька. – Ладно. Хрен с вами. Пошли в дом. Какое там у вас ко мне дело? Это же надо обмозговать, покумекать.

Жил Козырев обычно. Как и большинство столбовских мужиков, пропадал в лесу и к домашнему хозяйству не имел никакого отношения. Вся его забота ограничивалась заготовкой дров на зиму и добычей мяса. Жена его работала в школе учителем начальных классов, и можно было только поражаться, как она умудрялась содержать в порядке всё хозяйство и в придачу такого нерадивого мужа.

– Ноги вытирайте. Уборщиц не держим, – пробурчал недовольно Толька, выставляя на середину комнаты табуретки. – Может, почаете. Чайник ишо горячий. Ты забелённый будешь или как? Молоко утрешнее. – Толька полез в стол за кружками.

– Ты не суетись, Анатолий Игнатич, – остановил его Сергей. – Видал у машины двое: то японец и его переводчик. Так себе, но по-японски малёха понимает. Мы его на таможне позаимствовали.

– А мне хоть на китайском. В лесу язык знать не обязательно. Там ноги нужны и голова, – съязвил Толька и расхохотался, успев ущипнуть за ногу охотоведа.

– Брось свои шуточки. После тебя неделю синяки. Человек поохотиться приехал, за медведем, а ты дурака валяешь. Серьёзный гость, вроде как репортаж о русской глубинке делать будет для своих. Чего там они про нас знают. Хорошие деньги заплатил.

– А! – махнул Толька. – Мне всё равно не достанется. Блатата всё меж собой поделит.

– Не говори так, Толя.

– Ладно-ладно. Ты поучи меня. Я что, не знаю ваших дел. Где ж я ему медведя найду, с репортажем? Ему, поди, живой нужен, интервью брать.

На Толькину брехню Мандрусов едва сдержался.

– Репортаж – не твоя забота, а медведьдохлый ему вроде как ни к чему. Ну и пещеры ледяные хотел поглядеть заодно.

– Каво я там забыл! В этой сырятине. Медведя и за деревней убить можно. Дохлятины побросать, через неделю сам придёт. Так то же ночью. А ему поди днём надо. А ты будто медведя нашего не знаешь? Он же мужиков столбовских как огня боится.

– Известное дело, конокрады да браконьры. Хороших людей поискать.

– Ага, поищи, поищи. Спасибо сказать надо. Ты в Комсомольском районе был? Мы там лес тушили как-то.

–Потушили?

–Ага. Там сопки в километр, и бурелом. Сам потух, после дождичка. Так вот, тамошние медведи сами к людям бегут.

–Да ну? Ручные... -подыграл Манзур.

–А ты думал. За летний сезон семерых съели. Вместе с корзинками.

Только громко рассмеялся и опять схватил гармонь. Выдал несколько пассажей и вздохнул. Казаков там, паря не было. Бичёе одно. Вот медведи и обнаглели. А у нас не забалуешь. Мой пацан в седьмом классе белогрудку убил. По Ярославчиге пошёл к Петуху за куревом, от Малой Столбовки, где жид Колюня сидит сейчас, и набрёл. Собаки загнали на дерево. Ничего так, жирный был.

–Да, народ у вас охоч на кровушку.

–Зато коровы за деревней гуляют спокойно. И дети за грибами ходят куды хотять. Дак что говоришь? В ледяную ему надо? Это же такого крюка делать. А он-то откуда про Кабанье унюхал? – удивился Толька.

– Не знаю. Говорит, тебя рекомендовали. Он про тебя, может, и напишет чего. Будет тебе почёт и известность.

– На хрена мне твой почёт! – возмутился Толька. – Оно мне вот где! Меня и без того каждая собака знает. Это как лисья шкура на бычачьей шее. Всякий стянуть норовит, а потом ещё и залезть сверху. Так что ты лапшу мне на уши не вешай. Жизньню учёный Толя Козырев.

– Не лапша это Анатолий Игнатич. Точно говорю. Я же не

пацан врать.

Только улыбнулся во весь рот, однако, потом задумался.

– Я вот подумал... В деревне Козыревых, как собак нерезанных. Почему сразу я?

– Ну, ты же без работы. В день по червонцу. Плюс провизия. Можем и коня дать.

– На хрен он мне. Убежит, лови его потом по тайге. Его же кормить надо.

– Вот и договорились. – Мандрусов встал из-за стола и хлопнул Тольку по плечу.

– Тише ты! – вскрикнул тот, схватив рукой больное место.

– Чего ещё?

– Да Надюха вчера граблями наградила.

– Эх ты! Не ценишь ты свою жену. У тебя жена – редкий человек. В доме вон какой порядок. Руки – золото. Детей учит. Внуки уже. А ты с кулаками. Не пойму я вас, столбовских.

– Не твоя забота. Ладно. Давай деньги и валяй.

– Зачем тебе деньги?

– Как зачем! Продуктов каких набрать. Ты, Мандрус, глупый что ли?

– Знаем мы твои продукты. Нажрёшься! Чего доброго, глупостей наделаешь. В общем, так. Готовь одежду, ну там сапоги и всё такое, сам знаешь.

– А ружьё?

– У него своё. А тебе оно ни к чему. Это его охота. Он за

всё заплатил валютой. Даже за тебя.

Толька сразу поглупел и поднял брови.

– Он что же! Купил меня?

– Да не ори ты! Нанял. Тебе же и заплатят.

– Без аванса не пойду, – Толька по-детски надул губы и отвернулся к окну.

– Чёрт с тобой. – Сергей бросил на стол четвертной и печально ухмыльнулся. – Ну всё. Пошёл собак сеном кормить.

– Чего ты сказал, не понял?

– Лодырь ты. Чего... Смотри, не захлебнись.

– Моё дело. – Толька сунул в карман деньги и стал собираться в магазин, известное дело, за пузырьём.

– А гармонь-то зачем берёшь? Угроишь, чего доброго, где-нибудь инструмент.

– Не твоя забота. Твоё дело зверушек в лесу сторожить, живодёр.

Проходя мимо машины, он недоверчиво оглядел фигуру японца, пробурчал что-то непонятное себе под нос, нагло улыбнулся второму и, выйдя на середину улицы, где бежала пацанва, растянул свою гармошку так, что в соседских дворах залаяли собаки. Выдав один из куплетов известной казачьей песни, он тут же собрал вокруг себя целую ватагу местной детворы, без ума любившей Тольку, когда тот бывал трезвым, и не сдерживая накатившего удовольствия, гаркнул во всё горло «Банзай», потом вдруг оглянулся и, поймав на себе удивлённое лицо гостя, заорал ещё громче. Не обращая

внимания на окружающих и, наверное, утратив последние крохи стыда, Толька побрёл по улице, собирая в кучу ополоумевших от страха собак, изошедших на дикий лай, и девтору. Что-что, а повеселиться Козырев умел.

—Ну всё, земляничка-ягодка, —махнул рукой Мандрус, неловко улыбаясь своим гостям, —теперь до утра.

Проснулся он от хорошего тычка в зад. Толька замычал недовольно и приоткрыл один глаз. За окном уже вовсю светило утреннее солнце и слепило глаза. Он резко вскочил с дежурного дивана. Над ним стоял и улыбался Мандрусов.

— Помереть спокойно не дадут! — Толька по-лошадиному зевнул и развёл руки. — Чего так рано-то? Могли бы и к обеду, — заворчал он, на удивление резво вскочив, пытаюсь влезть в старую энцифалитку, напяливая её через голову на голое, поросшее густой шерстью тело, из-за чего Тольку дразнили Сивым или Седым. Одеваясь, он всё время таранился в окно, как будто кого-то высматривая.

—Ну и зарос же ты, что вепрь. Смолить тебя пора.

—Старого бобра седина не портит, —буркнул Толька.

—Каво там высматривашь? Опять чего натворил?

—Да так... Ты про вчерашнее ничего не слышал?

—Опять набедокурил?

—Малость покуралесил.

—Подрались что-ли? —заволновался Мандрусов.

—Куда там... Хуже. Шефов жизни учил.

– Ну и чего? Научились?

– А то как же.

– Чо хоть было?

– Да так, малость посмеялись. Команду «воздух» отрабатывали. Но мне лучше с глаз долой, пока не уляжется.

– Вот уж мне ваши столбовские гулянки!

– Да, слава богу, все живы. Не волнуйся. У нас и не такое бывало. А этот, как там его? Японец-то. Здесь?

– Ага. Тута, – передразнил хозяина Мандрусов. – Сидит на скамеечке у калитки. Любуется красотами. Зарисовки делает.

Только искоса глянул на охотоведа и усмехнулся.

– Какие красоты! Нищета кругом гольная! Наплодили переселенцев. На семь дворов один топор и тот без топорща. Ни удавиться, ни зарезаться нечем.

– Ну это ты, брат, загнул.

– Иди да глянь у соседа. А-то бы его собака мою капусту жрала. Мои куры пшено клюют, а его псы через забор слюнями давятся. Гольдьба. Вот раньше, я понимаю, красота была. Домик к домику, что петушки с гребешками. Везде порядок. А сейчас даже околицы не стало. Всё коровами засрали. Село-то было какое... Залюбуешься. Всё испохабили с этими переселенцами.

– А ему всё в диковину, – отмахнулся Сергей. – Он же художник. Рисует чего-то. Книжки иллюстрирует. Ему у нас всё равно что на другой планете.

– Вот и летел бы на Марс, – пробухтел Толька, продирая глаза после ночной гулянки.

– Ну, и народ же вы, столбовские!

– Да уж какие есть, – осклабился Толька. – Мы казацкого роду. И не какие-нибудь там переселенцы.

Сказанное немного касалось и Мандрусова, поскольку хоть и давно, но он тоже переселился на Амур, и вживание в местную среду давалось ему не без трудностей. Толькины слова зацепили Сергея:

– Гляди какой казачина выискался. Да из тебя казак как из говна пуля. Ты в седле-то когда последний раз сидел? Или косой косил? Казак, с печки бряк. – Не давая Тольке открыть рот он заразительно рассмеялся. На его удивление Толька совсем не обиделся и тоже закатился смехом.

– Точно говоришь. И тятя мне говорит, знаешь как? Твой дед, говорит, был амурским казаком. Стало быть я сын казачий. А ты, это он мне говорит, хрен собачий!

Толька опять закатился смехом, от чего всё лицо его покраснелось.

– Ух. Посмеялись и будя. Не тебя я имел в виду, не сердчай Манжур. Мне плевать, откуда ты и кто ты. Тебя соплём не перешибёшь и одним стаканом не свалишь, а значит свой. Ладно. Дай хоть пожру я. Ты не против? А-то похмелье мучает.

Он поставил на стол кастрюлю холодного борща и стал наворачивать со дна ложкой. Потом разделался с хорошим

куском мяса, без которого не прожил бы ни дня, но говорить не переставал.

– Ты мне скажи. Почему все японцы любят скалить зубы и кланяться? А этот, как статуя. Хоть бы раз улыбнулся. Не настоящий он японец, – разжёвывая жилы, рассуждал Толька, – на шпиона он похож, а не на художника. Он, как его... Самурай.

– А тебе-то что. Чего у нас шпионить?

– Не скажи. – Толька наконец-то прожевал мясо и уже наливал себе из чайника. Жены в доме не было, и он по-хозяйски орудовал на кухне. – Иду я как-то от солонца... – Тут он осёкся, прикусив губу.

– Валяй дальше, – махнул рукой Сергей. – А-то я не знаю где ваши солонцы да кормушки и какое мясо ты сейчас уплетал.

– Виноват медведь, что корову съел. А спрос-то с пастуха, – вывернулся Толька.

– Ну, на каждую корову колокольчик не повесишь.

– Вот и я говорю, – кивнул растерянно Толька. – Иду, значит. А темно! Смотрю, огоньчишко мерцат. Сперва подумал, что это наша телевышка. Там завсегда огонь горел раньше. Но думаю, как же это? Даже визирчик поставил. А утром пошёл глянуть. Не поленился.

– На тебя не похоже, – усмехнулся Мандрусов.

– Нет там никакой вышки. Одни сопки. А горит каждую ночь. Интересный такой свет. Голубоватый.

Толька откровенно задумался.

– Ты вот, Сергей, скажи. Почему в районе почти все коровы заболели? Так говорят, мол, рак какой-то. А я думаю, или врут, или зарыли что-нибудь. Нам ведь не скажут. А мы здесь подыхай медленно!

Уговорив в два глотка кружку чая, Толька накрыл стол большим полотенцем, прихватив напоследок со стола головку чеснока.

– Не срамись, Козырев! Как с человеком разговаривать будешь?

– Не перегаром же на него дышать. Мне не целоваться. Да и о чём с им говорить, када ни, я ни он друг друга не понимаем. Мне с ним, всё равно что свинье с курицей беседовать. А не понравится, отвернётся. – Толька отковырнул пару зубков от чеснока и сунул их в рот. – Ну чшо? Пошли, что ли.

Он вышел на веранду, где уже с вечера его ждал большой рюкзак, собранный женой, самому Тольке было не до того. Обмотав ноги портянками, он залез в резиновые сапоги и, взвалив рюкзак на здоровое плечо, пошёл к машине.

У калитки стоял всё тот же «Уазик», где ждал японец.

– Поехали, что ли? – улыбнулся Мандрусов гостю, приглашая того занять место рядом с водителем. – До первого брода довезу с ветерком.

– Не запряг, а уже поехал. Ты и до второго довезёшь, ни-чшо с тобой не сделается, – схамил Толька, ненавязчиво отодвигая плечом гостя и влезая на переднее место. – Давай,

Фудзияма, полезай на зады. Там безопаснее. К дорогам нашим не привык, поди. Ишо в окно стукнешься скорлупой своей.

Скупно улыбнувшись, японец покачал головой и полез на заднее сидение.

Проехав улицу и миновав недостроенную школу, машина одолела небольшой подъём, и, выехав за деревню, покатила среди леса по хорошо накатанной дороге. Петляя среди молодого подлеска, дорога неизменно бежала среди двух высоких ряжей по широкому распадку, посреди которого узенькой жилкой тянулась речка Столбовка. Неугомонный Толька всё время не закрывал рта, громко смеялся и размахивал руками, делясь с охотоведом свежими столбовскими новостями.

– Слыхал, что Савченко отчибучила?

– Она же самогонку гонит.

– Вот и я про то. Вчера прихожу к ней, а нет, позавчера, за поллитрой.

– Так вчера, или позавчера, – не скрывая иронии, спросил Манзуров.

– Да какая разница. Этой ведьмы дома не оказалось, а дочка еёная, с моей внучкой в одном классе учится, выходит на крыльцо и говорит нам, что мама за дихлофосом в магазин пошла. Я ей говорю, хрен с ним, с дихлофосом, ты бутылку продай нам, и деньги даю. И знаешь, чего она ответила?

– Ну...

– А как я продам, если он ещё не готов.

– Я говорю, как это, не готов. Ну, в него же дихлофос надо добавить. Это она мне. Я говорю, это зачем? Для крепкости, говорит.

Толькин смех был таким взрывным, что Мандрусов едва удержал руль на подвернувшемся ухабе. Даже японец, ничего не понимавший в Толькином рассказе, до этого сидевший безучастно, и разглядывающий склоны нависающих сопок, растянулся в улыбке.

Вскоре выехали на большое поле. Всё оно было сплошь покрыто ярким светло-зелёным цветом только что распустившейся гречихи. Дурманящий запах ворвался в душный салон автомобиля. Сергей остановился и заглушил двигатель. Все вышли.

По широкому распадку спускалась утренняя прохлада, в чистом небе, как и всегда, щебетали птицы. Среди цветов сновали труженицы-пчёлы, наполняя тишину удивительными звуками самой природы. Где-то совсем рядом, мелкими искорками рассыпая солнечные лучи на перекатах, шумела речка.

Глаза японца засветились, он глубоко вдохнул и неожиданно заговорил на своём, никому не понятном языке, делая восторженные жесты по сторонам.

– Губу-то раскатал, даже переводить не надо, – самодовольно съязвил Толька, бесцеремонно пристроившись к заднему колесу.

– Ну, ты тоже! Нашёл место! – возмутился было Сергей.

– А что я такого сделал? Баб по близости нет. Не бежать же к лесу, – нагло засмеялся Толька. – Дело-то обычное.

Сделав его, он достал из нагрудного кармана измятую пачку «Примы» и закурил. С первой затяжки его пробил жуткий кашель, словно он подавился. Он долго ругался, потом бросил окурок на землю и полез обратно в машину.

– Поехали, – рывкнул он из кабины. – Чего эту вонь нюхать. Может, вам ведёрки выдать, чтобы нектар собирали вместе с пчёлами? Или вы здесь почаевать решили? Дак я костерок зганашу.

– Деревня, – словно извиняясь перед японцем за Толькино невежество, сказал Сергей и махнул рукой. Гость понимающе покачал головой, и как-то по-особому, не скрывая удивления, посмотрел на своего будущего проводника. Потом тяжело вздохнул и полез в кабину.

Миновав поле, машина проехала ещё с километр и остановилась там, где дорога упиралась в русло реки.

– Приехали, что ли. Выгружаемся, – весело скомандовал Сергей и полез в багажник за вещами.

– И чего мне! В воду лезть, что ли? – возмутился Толька, не желая вылезать из машины. Немного поворчав, он все же выполз из «Узика» и бросил на траву свой рюкзак. – Мог бы и проскочить. Не велика лужа. Вода-то, ледяная поди.

– Не велика и честь. Не развалишься. Не сахарный. Слушай меня внимательно, – уже серьёзным тоном заговорил

Сергей. – Головой отвечаешь. И не позорь ты нас.

– Чего, чего? – от услышанного Толька вдруг поглупел, переводя взгляд то на японца, то на Мандрусова.

– Говорю, веди себя достойно. И не вздумай его где-нибудь бросить.

– Не учи! – рявкнул Толька. – За собой следи. А мы уж как-нибудь не пропадём с господином, как его там... – Он скинул сапоги, закатал штанины и, прихватив рюкзак, полез в воду. Ругаясь, как последний сапожник, и проклиная всех, кто загнал его в эту воду, он перешёл быструю стремнину и оказался на другом берегу.

– Давай, Фудзияма! Мать твою! Лезь в воду, – заорал Толька. – Или тебе для такого случая мост построить?

Воодушевлённый Толькиным примером, японец быстро стянул высокие ботинки и, не закатывая брюк, полез в воду. За спиной его висел огромный рюкзак, а с шеи свешивался непомерно длинный дробовик. Балансируя своим ружьём, он так же легко миновал быстрину и вылез на другой берег.

– Жду вас на Кулёмной! – прокричал Сергей.

– Дорогу пробейте гусками! Вездеход же. На марях-то травы выше головы. Ноги-то уберём, чай свои.

– Да знаю. Сделаем, не беспокойся. Долго не сидите там, и не опаздывайте.

Машина завелась и, поднимая пыль по сухой дороге, понеслась обратно.

– Сам не опоздай, – пробухтел Толька и улыбнулся япон-

ду. Сидя на брёвнышке, он уже потягивал сигарету и ухмылялся тому, как его попутчик собирается в дорогу. Внимание его привлёк дробовик. Таких Толька не видел ни у кого в районе. Ружьё было внушительным, с удлинёнными горизонтально расположенными стволами. «Двенадцатый калибр, – смекнул он. – Из такого любого зверя можно завалить с одного выстрела. Но и отдача у него должна быть». Толька искоса изучал фигуру временного попутчика, всё больше поражаясь этому несоответствию. Массивный приклад, толстые воронёные стволы, намного длиннее обычных; оружие никак не вязалось со своим хозяином. Разломив дробовик, японец вложил в стволы два патрона, захлопнул его и, щёлкнув предохранителем, закинул за плечо.

– Куда спешишь? – усмехнулся Толька. – Ретивая лошадка не далеко едет. – Он указал на часть свободного бревна. – Посиди перед дорожкой. Путь-то не близкий.

Как ни странно, японец его понял. Он кивнул, скинул с плеч свой рюкзак и уселся на него, приставив к ногам своё оружие.

В воздухе по-прежнему веяло прохладой, а кругом беззаботно щебетали птицы. Только мог сколько угодно сидеть вот так, но надо было идти. Он хлопнул себя по коленям и, тяжело вздохнув, нехотя поднялся, не в силах оторвать взгляда от оружия.

– Ну, пошагали, что ли. Чего задницы просиживать. Медведи теперь ждать не будут, того и гляди в берлоги залягут.

Он аккуратно затушил бычок, потом взвалил на плечи рюкзак и резво пошёл по накатанной дороге.

Прошагав около часа, пока дорога шла среди молодого липняка, они вышли в широкий распадок. Оказавшись посреди чистого пространства, путники ощутили поток прохладного воздуха, с верховьев тянуло свежим ветерком. Всюду пахло полевыми цветами. Посреди распадка шумел едва различимый ручей, русло которого выдавали вербы и подклённый, а сразу же за ручьём, у подножья сопки, мирно дремала пасека, напоминавшая маленький сказочный городок.

Из городка вылетели две небольших собаки неопределённой породы. Выполняя свой собачий долг, они свирепо набросились на чужаков, клацая зубами у самых ног, но, видя, что их не боятся, лайки завиляли хвостами и побежали рядом, как-будто показывая дорогу. Добежав до калитки, они развалились в зелёной траве, лишь искоса наблюдая за гостями.

Оставив попутчика у изгороди, Толька по-свойски ввалился на пасеку. Неожиданно из дома выскочил невысокий мужичок с поповской бородёнкой и резво зашагал к одному из бревенчатых сараев. Не прошёл он и десяти шагов, как Толька догнал его с явным намерением почесать об него свои кулаки.

Наблюдавший за всем этим японец, посчитав, что лучше не вмешиваться, и просто наблюдать, снял с плеч рюкзак и, достав из него кружку, в сопровождении собак пошёл к ру-

чью.

– Чаем напоил бы! – орал Толька на хозяина, не давая тому и слова вставить. – И мёда доставай! – напирал он своей громадной фигурой.

...– Кому ты байки рассказываешь! Приноса у него нет. А пчёлы куда летят? А это что? – Толька ткнул в лицо пчеловода цветком гречихи, сорванным ещё на поле. – Ну-ка дай сюда! – Он по-хамски вырвал из рук пасечника связку ключей и размашисто пошагал к омшанику, где летом обычно хранили мёд. Вёл он себя по-хозяйски, и по уверенным движениям было видно, что на какое-то время у пасеки сменился хозяин. Гремя засовами, Толька проник в предбанник и через минуту вынес оттуда сорокалитровую флягу.

– Убери лапы! – прорычал он на путавшегося под ногами пчеловода, отстраняя того от драгоценного бачка. – Это чтобы не врал. Жид пархатый! Не поспела! Да я от неё ещё на броду вонь учуял, – оскалил довольную пасть Толька, успев уже залезть кружкой в мутноватую жидкость. – У самого зубы от скупости смёрзлись, а всё туда же. Ты бы не срамился перед гостем! – продолжал напирать Толька. После выпитой кружки настроение его резко улучшилось, и он сгрёб в охапку бедного хозяина.

– Колюня! Погляди, кого я тебе привёл! Настоящий японский камикадзе. Будет жить у тебя на пасеке, медведей отпугивать. – Он больно ущипнул Колюню и засмеялся. – Шучу-шу. Побудь хоть на полчаса человеком. А-то что он о нас,

русских людях, подумают, глядя на тебя, скупердяя?

Через полчаса гости уже сидели за столом. Посреди него стояла большая чугунная сковорода жареной картошки вперемешку с кусками обжаренного сала и мяса. Ловко орудуя ложкой, Толька аппетитно поедал содержимое и подбадривал своего спутника.

– Давай, Фудзияма-сан! Самый жадный человек в районе угощает. Пользуйся случаем. Другого такого скряги и сквалыги не сыщешь. С грязи пенки снимает. Правда, Николаша!

– Это кто жади́на-то? – встрепенулся хозяин. Говорил он тоже громко, иногда переходя на фальцет. – Я что для тебя пожалел? – зазвенел он. – Да ты хоть запейся у меня. – Он заискивающе посмотрел на Толькиного спутника. – Что ж мы, не русские люди, что ли. Мы завсегда к гостям, со всей, как говорится, душой и сердцем.

После выпитого из его глаз уже текли слёзы умиления, он оправдывался перед гостем, извинялся за свою нищету и подливал Тольке из большого ковша мутной бражки.

Пока хозяин и Толька обменивались любезностями и обливали грязью общих врагов, японец молча сидел у края стола, потягивая из кружки душистый чай, который Колюня заварил специально по такому случаю из липового цвета. Лицо гостя порозовело, и по нему потекли капельки пота. Потом он достал из рюкзака планшет с бумагой и стал в нём рисовать. Коротко бросая взгляды то на Тольку, то на Колюню, он резво скрипел фломастером, не скрывая удоволь-

ствия от своего занятия. Потом он занялся пейзажем, и всё время повторял одни и те же слова, жестами указывая на зелёные сопки. Запьяневший Толька ничего этого, естественно, уже не видел. Он громко смеялся, чавкал, запихивая последние остатки еды в свой рот.

– Художник... Сами знаем, что красиво! Да красиво-то в карман не сунешь, – смеялся он, делая вид, что понимает по-иностранному. Его глаза блуждали по стенам, выискивая собеседника. – Мне одному доверили! – ревел Толька, стуча себя кулаком в грудь. Язык его уже временами заплетался между зубов, а глаза блуждали по кухне, отыскивая собеседника. – Ты меня уважать дол-л-жен! В-видал! Самурай. Настоящий. Книжки иллюстри... иллюстрирует. Про наших медведей репортаж будет снимать.

Тупо мотая огромной вспотевшей головой, он вдруг поймал на себе укоряющий и пренебрежительный взгляд попутчика. На мгновение Толька замер. Что-то изменилось в его лице. Он с грохотом поставил недопитую кружку и отодвинул от себя пустую сковороду.

– Баста! Налей нам на дорожку, и всё, – обратился он к хозяину. – У нас маршрут, – важно подчеркнул Толька и поднялся, прихватив со стола приличный шмат сала и пучок зелёного лука. – Мы люди не гордые. Раз хлеба нету, так мы и салом обойдёмся, – не унимался Толька, войдя в своё особенно приподнятое настроение, собирая со стола всё что можно было запихать в рот. – Да не жмись ты. Вон, в двух-

литровую лей.

Пока Колюня суетился с медовухой, Толька стоял над его душой, не отрывая глаз от драгоценного зелья.

– Ни одной же капли не пролил. Послал господь друга. Процедил бы хоть, – ворчал Толька, внимательно наблюдая за движениями хозяина.

Колюня удивлённо посмотрел на Тольку и пожал плечами.

– А чего её цедить? Воск же.

– Правильно! – рассмеялся Толька. – Через зубы процедится.

– Обратнo-то когда ждать? – неуверенно спросил хозяин.

– Обратнo мы через Кулёмную.

– Так это же все полсотни вёрст будет! – воскликнул Колюня, не сдерживая вздоха облегчения.

– Поболее, – поправил Толька. – А для дурной-то кобылы и сто километров не крюк. Правда?– Он подмигнул товарищу, стоявшему на крыльце. – Там нас вертолёт будет ждать. За медведем, как никак. Мясо, шкура. Рога-копыта.

– Да какая сейчас с медведя шкура? Лохмотья одни, щели конопатить, разве что.

– А мне всё равно. Они охотники, им и стрелять. А моё дело телячье. – Толька взвалил на плечи разбухший рюкзак и, отпихнув сапогом зазевавшегося кобеля, вышел на крыльцо. Собака взвизгнула и, поджав под себя хвост, отбежала на безопасное расстояние.

– Кобеля-то закормил, – рыкнул Толька, уже примеряясь

зацепить пса своими огромными, как грабли, руками.

– Скажешь тоже. На мышках отожрались.

– Оно и видно, что ни хрена не кормишь. Дай одного в дорогу.

– Кто ж пойдёт с тобой? Ты ж его съешь в пути!

– А мы на верёвку. – Толька растопырил руки и снова пошёл на собак.

Псы рассыпались по кустам, и не появлялись, пока Толька не скрылся за поворотом. Немного поотстав, за ним, неуклюже припадая на одну ногу, побрёл японец. На бугре он остановился и оглянулся. У ног крутились всё те же собаки. Вильнув напоследок, они потрусили обратно на пасеку. Человек улыбнулся, помахал хозяину и скрылся за поворотом.

Отойдя от пасеки с километр, Толька остановился и скинул свою поклажу. Пот тремя ручьями стекал по его раскрасневшейся шее. Вокруг роем кружили пауты, а самого Тольку мотыляло по всей дороге. Зайдя в чистую дождевую лужу, он ополоснул голову, а после уселся прямо на землю и закурил. Самым лучшим для него было упасть в хорошую тень и как следует проспаться. Он уже не раз пожалел, что не остался на пасеке до вечера, где можно было неплохо и выспаться, а за одно допить флягу, однако возвращаться было поздно. Делать было нечего, надо было идти дальше. Дорога, теряясь в зарослях леспецицы и визилия, всё так же петляя, вводила его от родной деревни и мягкой постели, цену которой он начи-

нал понимать лишь с годами, большинство из которых ему выдалось провести именно в таких скитаниях по бескрайней тайге. Блуждая взглядом по горизонту, и не останавливаясь ни на чём отдельно, Толька умудрялся ловить любое движение воздуха, и при этом мимо его уха не ускользал ни один шум. Это было его привычное дело, при котором он редко о чём-нибудь думал. Он просто шёл по дороге, а она, словно прирученная, несла его в голубые сопки, что изредка выглядывали из-за макушек деревьев.

Когда он увидел прямо у дороги козу, японец всё так же плёлся позади. До косули было полсотни метров. Толька оторопел. По привычке он замер, шаря руками за спиной. Когда к нему подошёл восхищённый зрелищем улетающей козы гость, Толька в сердцах плюнул на дорогу.

Лицо японца мгновенно изменилось. Губы плотно сжались, а глаза стали ещё уже. Он долго качал головой, потом подошёл вплотную к Тольке и, тяжело вздохнув, произнёс как-то особенно по-русски: «Э-э-х». А потом заговорил отрывисто и непонятно на своём.

– Коно мити-дэ-ва аната-ва куттэиру. Сорэдэмо ракуда-но ё-ни цуба-о хаку.¹ – Утвердительно кивнув, он сделал важное лицо и отвернулся.

– Ты чего орёшь на меня! Ёни цуба, – взорвался Толька, растерявшись. – Не разивал бы ты рот, мы бы сейчас с мясом были, печёнку свежую ели. Послал бог охотничка. – Он с

¹ Дорога кормит тебя! А ты, плюёшь на неё, как верблюд.

досадой посмотрел туда, где скрылась косуля, на что японец усмехнулся и покачал головой.

– Дзибун-но сиппо-о мусабори куу хэби,² ² – с горечью проговорил он. Потом поправил свою ношу, перекинул дробовик на другое плечо и не спеша пошёл по дороге дальше, оставив Тольку размышлять над сказанным.

Когда весь запас брани был исчерпан, Толька затоптал каблуком бычок и пошёл догонять ушедшего далеко вперёд спутника.

² Ты как змея, пожирающая свой хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.